

Солодкин Я.Г.
**Переписка Ивана Грозного с А.М.Курбским в русской книжности
конца XVI – первой трети XVII вв.**

Исследователи знаменитой публицистической дуэли 1564 – 1579 гг. преимущественно интересовались происхождением «епистолий» А.М. Курбского и царских посланий, а также взглядами их авторов на события недавнего прошлого. Вопрос о влиянии переписки Грозного с его бывшим сподвижником на книжную культуру России последующих десятилетий изучен гораздо слабее.

Г.Н. Моисеева считала, что Первое послание Грозного (далее – ППГ) явилось одним из источников Казанской истории (1). Сопоставление этих произведений заставляет отклонить такое мнение, да и «красная» повесть о судьбе татарского ханства возникла по меньшей мере на полтора года раньше государевой «грамоты» беглому князю.

В Повести о приходе Стефана Батория на град Псков, написанной местным «иконником» Василием в 1580-х годах, Курбский «с товарыщи» значатся как «преступницы целования на вере креста Христова, российского государя нашего изменники» (2). Приведенную оценку допустимо возводить к ППГ, где Курбский называется «крестопреступником...креста Господня», преступником «крестного целования» и постоянно обвиняется в измене (3). Оборот «яд отрыгнув», «яд от своея утробы отрыгнув», также встречающийся в начале Повести (4), возможно, заимствован из того же послания, в котором, имея в виду злобные обвинения бывшего боярина (5), царь замечает: «яд отрыгаеши», «яд ехиднин отрыгая», «подобящися ехиднину отрыганию яд изливающе» (6). Грозный назвал своего деда мстителем «неправдам». В Повести же утверждается, будто Иван IV «отмстителем врагом Божиим явися» (7). Как видим, ее автор мог обращаться к ППГ.

В «Зачале» «Летописца вкратце» - одного из последних разделов знаменитого Временника Ивана Тимофеева – о первом царе «Велицей Росии» тоже читаем, что он был «к варваром...в неправдах их мститель неумолим» (8). (В первой главе обширного «сложения» дьяка, посвященной государю-«рабобителю и мирогубителю», об этом не говорится (9). Стало быть, ППГ, возможно, знал и историк-мыслитель начала XVII в., как назвал Тимофеева В.О. Ключевский. Недаром публицист сообщает, что Грозный «добре бо...грамотечное о истинне по философех научение сведый», и пишет о «премудрости», «мудроумии» этого «яростиваго» самодержца (10).

Русским послам, отправившимся в 1601 г. в Речь Посполитую, предписывалось заявить, что царская «степень» дана новому московскому государю Борису Федоровичу от Бога и «прародителей», великих «наших царей российских, почен от великого государя царя и великого князя

Владимера Манамаха, от грек высокодостоинейшую честь восприимшаго», и до Ивана Васильевича и сына его «хвалам достойного великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца, мстителей неправдам и закосненным прародительским землям обретателей» (11). Нетрудно заметить, что процитированные строки восходят к началу ППГ. Царь, правда, уверяет, что его род «почен от великаго князя Владимира, просветившаго Рускую землю святым крещением», и лишь затем (в тех же словах) упоминает о Мономахе. Иван IV счел «хвалам» достойным Дмитрия Донского, «мстителем неправдам» - деда, а «закосненным землям обретателем» - отца (12). Примечательно, что тот же фрагмент ППГ использован в компиляции второй четверти XVII в., принятой В. И. Корецким за Московский летописец (13).

Э. Кинану бросилось в глаза сходство Первого послания Курбского царю Ивану (далее – ППК) с обращением князя И.А. Хворостинина «К читателю» и Повестью о Смутном времени, редактировавшейся И.М. Катыревым-Ростовским и С.И. Шаховским. Вопреки мнению американского историка, предисловие, сочиненное «первым российским западником», и Летописная книга вторичны относительно ППК (14), старший список которого, найденный Б.Н. Морозовым, появился в самом конце XVI столетия. И.А. Хворостинин и автор Повести о Смуте почерпнули из «грамоты» Курбского отдельные выражения. Позднее аналогичным образом поступил составитель так называемого Московского летописца, быть может, располагавший сборником, объединявшим произведения князя-эмигранта и многословное «отвещание» царя.

Считается, что отсылка к ППГ есть в «Летописце» И.Ф. Хворостинина, относящемся к началу XVII в. (15). В действительности рукопись этой Степенной книги особого состава появилась в середине того же столетия (16).

Нет веских оснований говорить вслед за В.И. Корецким о знакомстве с первой «епистолией» (тем более несколькими посланиями) Курбского московскому самодержцу патриарха Иова и его келейника Иосифа – создателей «Истории о разорении русском», к которой многократно обращался В. Н. Татищев. Затруднительно расслышать отзвуки давней полемики и в Пискаревском летописце (вопреки представлению А. И. Филюшкина), а также в быстро ставшей популярной «книге осадного сидения» Авраамия Палицына.

А.А. Зимин допускал, что переписка князя Андрея с его бывшим повелителем, отложившаяся в «ящичках» или «коробьях» посольского архива, наподобие сочинений И.С. Пересветова стала доступной русским читателям благодаря московскому пожару 1626 г., снявшему покров тайны с составивших ее «грамот». (ППК, по наблюдениям самого А.А. Зимина, за несколько лет до этой трагедии, постигшей столицу, однако, использовал И.А. Хворостинин). Ю.Д. Рыков разделял такой взгляд, который Я.С. Лурье и Р.Г. Скрынникову казался шаткой догадкой. Хотя в

Посольском приказе в первые годы XVII в. прибегали к ППГ для обоснования прав российских самодержцев на царский титул, это «государево послание» против «крестопреступников...о их измене» и предшествовавшее ему «писание» Курбского, болезненно задевшее «гордояростного» наследника Василия III, как мы видим, могли быть известны некоторым русским публицистам до наступления Смуты (к тому времени Б.Н. Морозов приурочил и наиболее ранний список ППК) и вскоре после ее окончания.

И.А. Хворостинин, «списатель» Повести о Смуте, Иван Тимофеев и, видимо, сочинитель Повести об обороне Пскова в конце Ливонской войны черпали из ППК и ППГ отдельные оценки и стилистические средства. (Зависимость этих публицистических сочинений рубежа XVI – XVII вв. от остальных «писем» царя и его обличителя не ощущается). Кроме того, периодизация «самодержавства» Грозного, намеченная в Повести о Смуте, могла сложиться под воздействием размышлений прежнего юрьевского наместника о событиях двух последних десятилетий.

Итак, в канун «московского разорения» и в годы самой «межъусобной брани» переписка Ивана IV с Курбским не получила широкого отражения в русской книжности. Видимо, это объясняется тем, что сочинения державного публициста и его страстного оппонента в то время лишь начали проникать в рукописную традицию, отличались полемичностью, порой имели сугубо личную направленность; иногда казалось небезопасным передавать отзывы «государева изменника» о царе, которого Михаил Федорович признавал своим дедом.

1. Моисеева Г.Н. О некоторых источниках «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). М.; Л., 1955. Т.11. С. 188 – 189, 194, 197.
2. Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР): Вторая половина XVI века. М., 1986. С.406. Отметивший факт «измены» Курбского составитель летописного свода конца XVI в., по-видимому, следовал оценке официальной летописи времени Грозного. Ср.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1965. Т.13. С.383; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С.417.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/Текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1981. С.13 – 16, 25, 30, 34, 38, 41, 43, 46, 47.
4. ПЛДР. С. 406,408. Ср.: С. 416.
5. См.: Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С.92.
6. Переписка...С. 15, 18, 25, 46. Во Втором послании Курбского читаем: «ядовитыми словесы отрыгано», «отрыгати глаголы изо уст» (Там же. С. 101, 102). Быть может, эти фразы появились под воздействием «широковещательного листа» Грозного. В других сочинениях об «отрыгании» яда не говорится (см.: Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С.24 – 25). Например, в Повести, како отомсти и ее переделках, Новой повести сказано про «изблевание» яда.
7. Переписка...С. 12; ПЛДР. С. 404.
8. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 150. Ср.: С. 14, 63, 91.
9. См.: Там же. С. 10 – 24. Ср.: С. 46,83.
10. Там же. С. 12, 17, 150.
11. Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков,1901. С. 358 – 359. О

Владимире Мономахе почти то же самое московским дипломатам надлежало говорить в Польско-Литовском государстве при царе Василии (Там же. С. 379).

12. Переписка...С. 12, 53, 62.

13. См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 221.

14. Зимин А.А. Первое послание Курбского Ивану Грозному (Текстологические проблемы)//ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 194 – 195; ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 590. Осталось незамеченным, что в «Надписании вкратце о царех московских» имеется почти такая же реминисценция из ППК («от Бога данные ему»), как в начале Повести («данных ему от Бога»).

15. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 43 – 44; Филошкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 245.

16. Археографический обзор//Переписка...С. 260 – 261, 345 – 346. Ср.: С. 312.

Кстати, среди князей Хворостининых за начало XVII в. Ивана Федоровича мы не встречаем. Про него, впрочем, сказано в Дневнике Марины Мнишек, но скорее всего речь там должна идти о хорошо известном Иване Андреевиче (см.: Дневник Марины Мнишек/Перевод В.Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 144. Примеч. 100). И.Ф. Хворостинин упоминается как чашник и столник в документах 1650-х гг.

Сушков А.В.

К вопросу об ответственности членов высшего руководства СССР за так называемое «Рязанское дело» (1959 – 1961 гг.)

«Рязанское дело» – сфальсифицированное руководством Рязанской области выполнение принятых обязательств по производству и сдаче мяса государству – является одним из знаковых событий в политической и социально-экономической истории СССР периода единоличного правления Н.С.Хрущева. Однако до сих пор специальному исследованию не подверглась проблема ответственности членов высшего руководства СССР за произошедшее в Рязани: кто и в какой степени был повинен, и кто в действительности понес наказание.

Во второй половине 1958 г. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, председатель Бюро ЦК КПСС по РСФСР Н.С. Хрущев, для осуществления поставленной им задачи догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения, стал настойчиво требовать от руководства обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий принятия и выполнения повышенных обязательств по сдаче мяса и другой сельхозпродукции государству. Рязанский обком КПСС к тому времени уже десять лет возглавлял Алексей Николаевич Ларионов – партработник с большим стажем руководящей деятельности, включая опыт работы в аппарате ЦК ВКП(б). Рязанская область, как и многие другие регионы центральной России, не отличалась успехами в сельскохозяйственном производстве. Учитывая также достаточно длительный период пребывания А.Н. Ларионова во главе области, в недалеком будущем должно было состояться его кадровое перемещение, при этом повышение по номенклатурной лестнице было весьма сомнительным. Необходимо также отметить, что пристрастие к алкогольным напиткам у